

По правдѣ сказать, осторожность г. Флюршейма уместна. Нѣсколько дней тому назадъ изъ Коронадо было получено слѣдующее письмо:

«Только-что вернулся съ опыта, гдѣ видѣлъ въ одномъ концѣ провода фигуру и движенія моей жены, находящейся въ другомъ концѣ привода. Достигнуто кажется невысказанное. Но пока я не знаю «какъ», я остаюсь еще пассивнымъ. Лишь только я узнаю больше, я, конечно, окажу изобрѣтателю свою помощь, чтобы вскорѣ видѣть такое великое изобрѣтеніе на практикѣ».

Если вспомнить, что можно сдѣлать въ передачѣ изображеній на разстояніе искусно подобранными зеркалами, то можно допустить, что американскій изобрѣтатель ввелъ въ обманъ г. Флюршейма и людей, доверчиво относящихся къ чудесамъ, именно такимъ способомъ. Сомнѣніе, однако, въ высшей степени интересное душевное состояніе и находится въ близкомъ родствѣ съ надеждой! Будемъ же сомнѣваться, надѣясь!

V. Литература и печать.

Генрикъ Ибсенъ.—Собраніе нѣмецкихъ любовныхъ писемъ за девять столѣтій.—Психологія и психологическіе институты.—Ницше во вторую половину своей жизни.

Генрикъ Ибсенъ. За послѣднія пять лѣтъ Генрикъ Ибсенъ страдалъ частыми апоплексическими припадками, превратившими его въ безпомощнаго старика; опасности для жизни хотя въ этихъ припадкахъ и не было, но семья знала, что малѣйшее осложненіе поведетъ къ катастрофѣ. По свидѣтельству домашняго врача Булла, Ибсенъ умеръ отъ разрыва сердца.

Въ продолженіе своей долгой послѣдней болѣзни писатель относился совершенно безучастно къ окружающему и былъ еще болѣе обыкновеннаго молчаливымъ и замкнутымъ. Онъ никого не принималъ и ничего не хотѣлъ слышать о томъ, что происходитъ въ свѣтѣ. Онъ пересталъ заниматься какой-либо умственной дѣятельностью и даже бросилъ читать газеты. Говорятъ, что недавно онъ попросилъ прочесть ему его сочиненія и, слѣдя внимательно за чтеніемъ, при малѣйшей ошибкѣ со стороны чтеца немедленно ронялъ одно и то же слово: «Невѣрно!».

Анекдоты о знаменитомъ поэтѣ безчисленны. По поводу его личности рассказываютъ слѣдующее. Во время его пребыванія въ Римѣ туда же пріѣхали два шведскихъ принца. Король Оскаръ написалъ своему посланнику, чтобы онъ познакомилъ его сыновей съ Ибсеномъ. Посланникъ устроилъ парадный обѣдъ въ честь высокопоставленныхъ гостей, но, находя неудобнымъ пригласить нетитулованнаго поэта къ обѣду, послалъ ему приглашительную карточку на послѣобѣденный чай. Ибсенъ въ отвѣтъ на эту безтактность написалъ на оборотѣ карточки слѣдующее: «Я никогда не пью чая».

Къ актерамъ Ибсенъ относился чрезвычайно сдержанно. По этому поводу онъ сказалъ одному датскому писателю: «Я пишу свои произведенія, какъ хочу, актеры же пусть играютъ, какъ могутъ». На-

падки критиковъ онъ игнорировалъ совершенно. «Только значительное вызываетъ споры, — говорилъ Ибсенъ, — посредственное же само падаетъ».

Въ прошломъ февралѣ Христианію посѣтила Дузе и очень сожалѣла, что не могла играть въ присутствіи Ибсена. Врядъ ли, однако, она что-либо отъ того потеряла, такъ какъ къ актрисамъ Ибсенъ относился тоже очень холодно. Талантливой норвежской актрисѣ Іоганнѣ Дибвадъ Ибсенъ только разъ выразилъ свое удовольствіе: «Съ такой передачей Гильды Вангелъ вы могли бы объѣхать весь свѣтъ», сказалъ онъ ей однажды. Одна изъ лучшихъ истолковательницъ женскихъ типовъ Ибсена, Бетти Геннингъ, артистка королевскаго Копенгагенскаго театра, рассказываетъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Ибсеномъ. «Я играла въ его присутствіи въ «Дикой уткѣ». Черезъ нѣсколько дней мы встрѣтились у его издателя Гегеля. Ибсенъ подошелъ и сказалъ: «Здраствуйте»; я отвѣтила: «Здраствуйте». Онъ посмотрѣлъ на меня, я на него, и больше не было произнесено ни одного слова».

Біографію и критическій разборъ произведеній Ибсена мы откладываемъ до будущаго мѣсяца; теперь же приведемъ слова самого Ибсена о своемъ творчествѣ. «Все, что я написалъ, — говоритъ Ибсенъ, — находится въ непосредственной связи съ видѣннымъ и пережитымъ мною».

О стихотворной формѣ драмы онъ отзывался неодобительно. «Стихотворная форма принесла немало вреда драмѣ. За послѣднія семь-восемь лѣтъ я не написалъ ни одного стиха, занимаясь болѣе тяжелымъ искусствомъ — изложеніемъ дѣйствительности простымъ вѣрнымъ языкомъ. Стихотворная форма не имѣетъ будущности, она умретъ, формы искусства осуждены на вымираніе точно такъ же, какъ и все другое».

* * *

Собраніе нѣмецкихъ любовныхъ писемъ за девять столѣтій. Недавно въ Германіи вышло въ свѣтъ собраніе любовныхъ писемъ. Поэты, полководцы, музыканты, философы, банкиры, художники и прочія знаменитости и незнаменитости писали ихъ, вовсе не помышляя о томъ, что ихъ сокровеннѣйшія мысли и чувства будутъ когда-нибудь напечатаны. Читая эти письма, погружаешься въ самые сокровенные тайники человеческого сердца, чувствуешь всю силу любви, на какую способны были ихъ авторы. Если любовь даже самаго ординарнаго человѣка превращаетъ въ поэта, то нечего и говорить, какъ она выражается у людей, одаренныхъ искрой Божіей. Но вмѣстѣ съ радостями и нѣжными, какъ весенняя заря, чувствами любви, въ этихъ письмахъ, какъ въ зеркалѣ, отражается и неподдѣльное горе: здѣсь мы видимъ и нагромождающіяся одно на другое препятствія, мѣшающія соединиться милымъ навѣкъ, уныніе, разочарованіе, недомолвки и недоразумѣнія смущаютъ и нарушаютъ гармонію; мы видимъ, какъ создаются трагедіи, и какъ лучшіе изъ людей чаще другихъ страдаютъ отъ матеріальныхъ недостатковъ. Имена авторовъ этихъ писемъ ручаются, что въ этой книгѣ не одно любовное воробьиное чириканіе.

Конечно, любовь основной мотивъ cadaго письма, но и въ выраженіи любви всякъ — дитя своего времени, и такимъ образомъ въ этихъ письмахъ отражается культура 9-ти столѣтій. Здѣсь мы встрѣчаемъ наивный лепетъ нюрнбергской патриціанки XVI столѣтія и сжатыя, но сильныя выраженія первыхъ протестантовъ, сентиментальные вздохи и слезы романтизма, пастушковъ и пастушекъ французскаго сентимен-